

ЭТНОЛОГИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ

УДК / UDC 94(517.3)

Модернизационный вектор трансформации традиционного кочевого общества Монголии

Александр Дмитриевич Гомбожапов¹, Валентина Гурожжаповна Жалсанова²

¹ Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047, Улан-Удэ, Российская Федерация)

кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник

 0000-0001-9793-2274. E-mail: agombozh@gmail.com

² Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047, Улан-Удэ, Российская Федерация)

кандидат социологических наук, старший научный сотрудник

 0000-0003-0827-6311. E-mail: valyazhal@list.ru

© КалмНЦ РАН, 2022

© Гомбожапов А. Д., Жалсанова В. Г., 2022

Аннотация. *Введение.* Трансформация кочевого общества — многоплановый процесс. Социальная организация и внутренняя структура кочевого общества Монголии, претерпев кардинальные преобразования XX в., несет в себе различные импульсы дальнейшего развития. *Цель* статьи — раскрыть внутреннюю содержательную сторону трансформационного процесса современного кочевого общества Монголии. Авторы рассматривают социальную систему кочевников как самоорганизующуюся, которая, приспосабливаясь к новым условиям рынка и товарно-денежных отношений, регенерирует институты традиционного общества, закрепляет новые порядки, формирует современные формы социального объединения и взаимодействия. На основе литературных и авторских полевых материалов прослежены явления трансформации в экономической, социальной и культурной сферах жизнедеятельности кочевников Монголии. *Результаты.* Показано, что кочевые домохозяйства постепенно втягиваются в рыночные отношения и вместе с тем включаются в общее разделение труда. Определены функции современной кочевой общины: защита находящихся в пользовании пастбищ, совместное использование водных и других природных ресурсов и т. д. *Выводы.* В ходе исследования были получены основные характеристики трансформации кочевого общества: товаризация и индивидуализация кочевого скотоводческого хозяйства, и, как их следствие, рационализация экономического поведения, сохранение подвижного (мобильного) образа жизни при ограничении пределов кочевки и отчетливой локализации сезонных стоянок, замещение традиционных ценностей рыночными. Авторы подчеркивают, что происходит постепенная замена родственных связей территориальными в образовании социальных групп кочевников. Формирование территориальной общности показывает преодоление консервативных черт кочевого общества, где весомую роль играют родственные связи, происхождение и т. д.

Ключевые слова: Монголия, трансформация, кочевники, общество, модернизация, социальная организация, община

Благодарность. Статья подготовлена в рамках государственного задания (проекты «Историческое пространство монгольского мира: археологические культуры, общества и государства», номер госрегистрации: 121031000241-1) и «Россия и Внутренняя Азия: динамика геополитического, социально-экономического и межкультурного взаимодействия (XVII–XXI вв.)», номер госрегистрации: 121031000243-5).

Для цитирования: Гомбожапов А. Д., Жалсанова В. Г. Модернизационный вектор трансформации традиционного кочевого общества Монголии // Монголоведение. 2022. Т. 14. № 3. С. 566–577. DOI: 10.22162/2500-1523-2022-3-566-577

Transformation of Mongolia's Traditional Nomadic Society: The Modernization Trend Analyzed

Alexandr D. Gombozhapov¹, Valentina G. Zhalsanova²

¹Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the RAS (6, Sakhyanova St., 670047 Ulan-Ude, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Leading Research Associate

 0000-0001-9793-2274. E-mail: agombozh@gmail.com

²Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the RAS (6, Sakhyanova St., 670047 Ulan-Ude, Russian Federation)

Cand. Sc. (Sociology), Senior Research Associate

 0000-0003-0827-6311. E-mail: valyazhal@list.ru

© KalmSC RAS, 2022

© Gombozhapov D. A., Zhalsanova G. V., 2022

Abstract. Introduction. Transformation of a nomadic society is a multifaceted process. The social organization and inner structure of Mongolia's nomadic society have undergone cardinal changes of the 20th century — only to experience various impulses of further development. **Goals.** The article aims to reveal the inner substantial side inherent to the transformation process within contemporary Mongolia's nomadic society. The paper considers the social system of nomads as a self-organizing one that adapts to new market conditions and commodity-money relations to regenerate the institutions of traditional society, strengthen new social orders, and create advanced forms of social alliances and interactions. **Materials.** The work analyzes literary and field materials for insights into the phenomena of transformation in economic, social and cultural spheres of Mongolia's nomads. **Results.** The study shows nomadic households are being gradually involved into market relations to be incorporated in the general division of labor system; defines functions of a contemporary nomadic community, such as protection of pastures in use, sharing of water and other natural resources, etc. **Conclusions.** The study delineates key characteristics inherent to the observed transformation of nomadic society, namely: commodification and individualization of nomadic livestock breeding and, as a consequence, rationalization of economic behavior, preservation of a mobile (migratory) lifestyle to be accompanied by fixation of nomadic boundaries and distinct localization of seasonal camps, replacement of traditional values by market ones. It is emphasized that kinship ties are being gradually replaced by territorial ones when it comes to identify borders of present-day nomadic social groups. The emergence of a territorial community attests to the overcoming of conservative features typical of nomadic society once largely based on family ties, tribal background, etc.

Keywords: Mongolia, transformation, nomads, society, modernization, social organization, community

Acknowledgements. The reported study was funded by government assignment, projects no. 121031000241-1 'Historical Space of the Mongol World: Archaeological Cultures, Societies and States' and no. 121031000243-5 'Russia and Inner Asia: Dynamics of Geopolitical, Socioeconomic and Cross-Cultural Interactions'.

For citation: Gombozhapov D. A., Zhalsanova G. V. Transformation of Mongolia's Traditional Nomadic Society: The Modernization Trend Analyzed. *Mongolian Studies (Elista)*. 2022; 14(3): 566–577. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2022-3-566-577

Введение

Кочевое общество Монголии в течение длительного времени оставалось консервативным к любым изменениям. С момента своего генезиса и на протяжении двух тысячелетий в монгольских степях господствовала общественная система, основанная на родоплеменных и генеалогических представлениях. Даже серьезные потрясения и кардинальная смена общественно-экономического уклада, произошедшие в течение прошлого столетия, оставили кочевой образ жизни в неизменном виде и вместе с тем, несмотря на поверхностные изменения, по-прежнему имела место система традиционных общественных связей. Однако говорить о том, что ломка экономических систем¹ происходила без последствий, не приходится. Нововведения после революционных событий как в первой четверти, так и в 90-е гг. XX столетия довольно медленно откликались в монгольском обществе, в особенности в его кочевой части. И, наверное, правильным было бы определить эти процессы как трансформацию общественной системы.

Материалы и методы

Научное определение понятия «трансформация» прежде всего связано с творчеством Карла Полаanyi. В своей основополагающей книге «Великая трансформация» (1944; см.: [Полаanyi 2002]) К. Полаanyi предлагает очень важный концепт для объяснения природы социальных изменений, обусловленных сменой экономических отношений и возникающих в результате этого конфликтов между политическими силами [Haas H. et al. 2020]. Обращение к данному концепту предоставляет нам наиболее общий теоретический ракурс для того, чтобы проследить и представить явление в целом.

Исторический опыт Монголии, в котором процессы носили скачкообразный характер, не укладывается строго в условия тех закономерностей, которые описаны или выработаны в рамках теорий, рассматривающих общественное развитие с точки зрения детерминизма и предопределенности в прохождении ступеней или стадий развития. Значимость подхода К. Полаanyi к социальной трансформации очевидна в его недетерминированности, оставляющей место для вариативности, и способности понять механизмы, лежащие в основе политических и общественных изменений в модернизирующихся обществах. Концепция ученого предполагает различные исторические исходы, которые зависят от конкретных условий и обстоятельств.

В изучении непосредственно изменений в социальной организации и структуре, конкретных механизмов трансформационного процесса большую роль

¹ Монголия в XX в. претерпела две смены общественно-экономического уклада: это провозглашение Монгольской Народной Республики и установление социалистической системы; демократическая революция 1991 г. и переход к рыночной системе.

играют теоретические концепции отечественных ученых. Теория социальной (социетальной) трансформации разработана в трудах известными учеными Т. И. Заславской [Заславская 2004], В. А. Ядовым [Ядов 2014], Н. И. Лапиным [Лапин 2000], З. Т. Голенковой [Голенкова 2001] и др. И применительно к кочевому обществу Монголии, безусловно, имеет важное значение в выявлении причин и движущих факторов структурных изменений. В интерпретации особенностей трансформационных процессов у кочевников Внутренней Азии значимыми являются взгляды Н. Н. Крадина [Крадин 2016; Крадин, Янков 2006].

В исследовании проанализированы как литературные данные, так и полевые материалы, представленные результатами опросов кочевых домохозяйств, проведенных в свою очередь в Монголии с 2015 по 2019 гг.

Результаты

Изменения в хозяйственной деятельности кочевников

Процесс трансформации носит многоаспектный характер. Изменения охватывают практически все стороны жизнедеятельности кочевников. Прежде всего очевидны и заметны изменения в сфере производства и производственных отношениях [Bazarov 2011: 437]. Кочевые домохозяйства постепенно втягиваются в рыночные отношения и вместе с тем включаются в общее разделение труда. Произведенная в хозяйстве животноводческая продукция, за исключением той доли, которая идет на собственное потребление, ориентирована на продажу. Потребности кочевых домохозяйств за последние десятилетия заметно расширились. Товары широкого потребления все больше находят свое место в быту кочевников, среди которых отметим электротовары с автономным источником питания, сделавшие их применение и использование возможным у кочевников.

Доступность кредитных программ с низким процентом, разработанных специально для животноводов, еще один немаловажный фактор втягивания хозяйств в товарно-денежные отношения. Как показывают наши исследования, практически каждое опрошенное нами хозяйство имеет кредиты с кратким сроком возврата (в течение года). Необходимость возврата заемных средств становится важным стимулом для все большей товарности кочевого хозяйства. Постоянный процесс займа и возврата денежных средств превращает спорадические продажи результатов труда кочевников в системный акт, который можно назвать устойчивым экономическим поведением.

В современных условиях Монголии институт взаимопомощи все больше замещается наймом рабочей силы и переходом к оказанию услуг на возмездной основе. Особенно это характерно в период сезонных работ, когда сжатые сроки и большой объем работ требуют дополнительных рабочих рук. Рассчитывать на соседние домохозяйства не приходится, если у них, конечно, нет большого количества скота, поскольку у каждого из них в этот период проводятся одни и те же хозяйственные работы. Так, для стрижки овец, счесывания козьего пуха, помощи при ягнении овец и т. д. чаще всего нанимаются работники, проживающие в поселковых центрах, или бедные кочевники, у которых есть свободное время.

Безусловно, что вышеперечисленное имеет географические различия и относится не ко всему кочевому населению Монголии. В явном виде эти процессы

происходят в центральных, наиболее развитых в экономическом отношении районах Монголии. Как правило, эти районы можно привязать к сфере распространения экономического влияния крупных городов, таких, как Улан-Батор, Дархан, Эрдэнэт и др.

Изменения в социальной сфере

Следующий аспект трансформации кочевого общества связан с социальной сферой. Она претерпевает не меньшие изменения, чем экономическая. Но для того, чтобы понять вектор социальных изменений, необходимо представить в общих чертах исторический путь, проделанный монгольским обществом.

С точки зрения классиков монголоведения представление о социальной организации кочевников было следующим. Низовой ячейкой общества была и остается в настоящее время нуклеарная семья. Следующий уровень — это объединение двух и более семей в форме мелкой общины или хозяйственной группы (так называемые хот-айлы / хотоны) [Симуков 2007: 495], основанной на родственной или имущественной основе. Говоря в целом о кочевниках, Н. Э. Масанов выделяет, наряду с семьей и общиной, и другие формы социального объединения: группа семей, домохозяйство, хозяйственные и локальные группы [Масанов 1995: 131]. Общности более высокого уровня, выполняющие социально-политические функции, были основаны на принципах происхождения и общей генеалогии, которые играли структурообразующую роль (племена, крупные родовые подразделения). Такая общественная организация была естественно присуща кочевому социуму.

Подчинение Монголии Цинской империи значительно изменило административно-управленческую систему, основу которой стало составлять военно-административное деление, однако оставило без существенных перемен социальную структуру [Горохова 1980: 51]. Низовое социальное взаимодействие по-прежнему осуществлялось внутри мелких кочевых общин, покоившихся преимущественно на родственных связях.

С основанием Монгольской республики и провозглашением социалистического пути кочевой образ жизни был признан отсталой формой и провозглашен курс на модернизацию, конечной целью которого был переход к более прогрессивной модели, с точки зрения идеологов общественного устройства, оседлого образа жизни [Грайворонский 1979: 86–87]. В это время было сделано несколько попыток массовой коллективизации аратских хозяйств. Лишь к концу 1950-х гг. задача, поставленная руководством страны, была выполнена. «Уже к концу 1959 г. 99,3 % всех частных аратских хозяйств были кооперированы в составе 389 сельскохозяйственных объединений» [История Монголии 2007: 271]. В этот период были созданы производственные бригады скотоводов (мал бригад), подразделявшиеся на более мелкие единицы «суури» [Жагварал 1974]. Уход за обобществленным скотом осуществлялся конкретными айлами, в зависимости от этого выделялись скотоводы, пасущие овец (хоньчин), коз (ямаачин), верблюдоводы (тэмээчин) и коровопасы/яководы (үхэрчин). Специализированные «суури» представляли собой организационное единство, совмещающая в себе как производственные, так и социальные функции. Таким образом, ранее существовавшие хот-айлы были сменены сууриями [Humphrey 1978: 152; Цэрэнханд 2015: 88–89].

Рыночные реформы 1990-х гг. вновь вернули главное имущество кочевников — домашний скот — в частные руки. Переход к демократии и рынку сопровождался возникновением и углублением социальных проблем [Marin 2008: 86; Humphrey, Sneath 1999: 274]. Резкое ослабление государства, сокращение влияния его институтов во многих сферах привело к тому, что управление, в некотором роде правовое регулирование, система социальной поддержки стали замещаться возрождением социальных и экономических институтов традиционного общества. Именно «вакуум» постсоциалистического периода, отход государства из общественной сферы и откуп в частные руки государственной собственности сделал возможным регенерацию традиционализма. Большую роль в социальной организации кочевников начали играть родственные связи. На их основе вновь стали образовываться традиционные формы социальных коллективов кочевников [Bold 1996: 75]. В целом в кочевом обществе наметилась тенденция к саморегуляции.

Нами выделена форма объединения кочевников, которую можно условно назвать кочевая община [Гомбожапов 2021: 214]. Она включает в себя несколько домохозяйств, сгруппированных родственными отношениями и, как правило, имеющие закрепленные за собой сезонные пастбища. Правомерность такового выделения связана с совпадением функций, которые присущи общине. В общине социальные отношения основываются преимущественно на кровнородственных связях и отношениях свойства. Важное значение в социальной регуляции имеют традиционные нормы, обычаи и нравы. Неотступно соблюдается принцип иерархии по старшинству в управлении коллективом. Все это наблюдается и в кочевой общине. В то же время ее функции дополняются приобретением новых или переосмыслением старых в современных условиях. Причинами образования таких групп на территориальной основе стали слабость государственных механизмов по защите частных интересов и пробелы в законодательстве [Sneath 2003: 442; Barcus 2018: 11–12].

А. М. Хазанов пишет, что хозяйственные, имущественные различия и неодинаковость в обеспечении трудовыми ресурсами отдельных семей в кочевых обществах являются основными факторами, благоприятствующими возникновению общины [Хазанов 2008: 163]. Остальные факторы, по его мнению, второстепенны. В частности к таковым отнесено отношение к ключевым ресурсам [Хазанов 2008: 163]. Наши материалы довольно отчетливо показывают, что в условиях высокой конкуренции за пастбища и водные ресурсы стремление закрепить их в свою собственность становится основой для формирования местной кочевой общины, объединяющая домохозяйства, члены которых родились и на постоянной основе проживают в отдельной взятой местности. Это обстоятельство позволяет им противопоставить праву равного доступа к общественному фонду пастбищ, прикочевывавших со стороны, право преимущественного пользования, которое близко к праву приобретательной давности¹.

¹ Об одном таком случае в ходе личной беседы сообщил известный кочевниковед, академик РАН Н. Н. Крадин. Наблюдение было сделано в период раскопок одного из городищ в Булганском аймаке Монголии. В его окрестностях были расположены 3 айла — кочевых домохозяйств. Рядом с ними вскоре поставил юрту скотовод, прибывший из отдаленной местности. Не терпя его присутствия, они поочередно стали направлять свои стада прямо через юрту. В ответ на его возмущение главы айлов говорили, что скот пасется там, где привык пастись, и они ничего поделать не могут. Этот случай наглядно демонстрирует явное противоречие современного действия права равного доступа к пастбищам и негласного права собственности.

Миграционные потоки кочевников, ориентированные на крупные рынки сбыта животноводческой продукции [Janzen 2005: 85; Janzen 2009: 10], стали катализатором образования локальных общин. Чем интенсивнее наплыв кочевников-мигрантов и плотнее населенность, тем более осязаемым становятся границы кочевой общины и тем сплоченнее она выглядит. Однако инфильтрация кочевников-мигрантов все же происходит, и механизм ее связан также с принадлежностью вновь прибывших к родственному кругу, узами землячества того или иного кочевого домохозяйства.

Еще один вектор, который можно было бы обозначить как тенденцию трансформации кочевого общества — это возобладание принципа территориальности в социальной организации кочевого населения или закрепление общности кочевников на основе длительного проживания в одной местности.

В кочевом обществе, и это общеизвестно, подвижный образ жизни был несовместим с достижением долговременного единства кочевой общины. «Сама подвижность кочевников ограничивает развитие непосредственных территориальных и соседских связей, тем самым делая родство наилучшей альтернативой для выражения социальных отношений» [Хазанов 2008: 170].

Этому также способствовала экономическая самостоятельность (автономность) кочевого домохозяйства в лице отдельной нуклеарной семьи, которая могла, в зависимости от потребностей своего скотоводческого хозяйства, менять свое месторасположение, сообразуясь с условиями пастбищных угодий. Основой же перманентного существования традиционной общины была производственная необходимость, возникающая в определенные периоды хозяйственного цикла. Однако, по мнению некоторых ученых, нехватка рабочих рук могла быть компенсирована за счет института взаимопомощи. Другими словами, в идеале, как и представлялось китайскими летописцами, кочевое домохозяйство могло находиться в перманентном движении и удовлетворять периодически возникающую потребность в необходимом добавочном труде случайными взаимопомощами с другими кочевыми домохозяйствами, без формирования устойчивого коллектива с трудовой кооперацией.

Говоря о возникновении новых социальных форм на территориальной основе, конечно, надо сделать оговорку. Речь совершенно не идет о приближении современного явления к классической схеме распада родовой общины и утраты ею территориального единства и замещения родственных связей территориальными в новой «соседской» общине. Мы говорим о формировании устойчивых связей, которые формируют социальную группу кочевников, проживающих на одной территории и объединенных защитой собственных интересов, в основном отражающих экономические, хозяйственные и управленческие вопросы.

Как известно, территориальность — универсальный принцип объединения людей, который нивелирует все другие различия, по которым создается то или иное коллективное единство или социальная сеть. Независимо от наличия какого-либо организационно дифференцирующего признака, совместность проживания в данной конкретной местности солидаризирует людей, стирает все другие различия. В условиях высокой плотности кочевых домохозяйств,

конкуренции за пастбища территориальность все больше замещает родственные связи. Формирование территориальной общности показывает преодоление консервативных черт кочевничества, где весомую роль играют родственные связи, происхождение и т. д.

Несколько слов о преобразованиях в культуре

Безусловно, что заметные преобразования наблюдаются и в сфере культуры кочевников. Модернизационный компонент в традиционной культуре, наверно, ярче всего выражен в предметах быта, одежде, пищевом рационе и т. д. Вещный комплекс традиционной материальной культуры все меньше сохраняет потенциал самовоспроизводства. Предметы хозяйственного и бытового назначения, которые производились в домашних условиях (выделка кож, обработка шерсти, валяние войлока и т. д.), замещаются промышленными товарами. В то же время необходимо заметить, что высокий спрос со стороны кочевников и стремление заинтересовать их заставляет производителей приспособиться к нуждам кочевого быта и предлагать товары в понятной для них форме. На рынках крупных городов зачастую можно увидеть длинные ряды прилавков, ориентированных именно на потребности кочевого населения¹. Вещи и предметы, которые изготавливаются в традиционной форме, во многом сохраняют быт кочевника в прежнем виде.

Товарно-денежные отношения, которые стали базисом производственного и социального взаимодействия современных кочевников Монголии, не могут не влиять и на систему духовных ценностей. Пожалуй, основные перемены в этой сфере, которые следует выделить, связаны с замещением престижа и идеалов традиционного общества материальной выгодой.

Можно говорить о том, что традиционные представления о личном богатстве, которое связано с многочисленностью стад домашнего скота, удачно сочетаются с ценностями индивидуального накопления капиталистического общества. Однако в традиционном кочевом обществе пасущийся скот в большом количестве имел ценность сам по себе. В специфичных природных условиях он придавал уверенность в устойчивости положения владельца и способствовал повышению его социального статуса. Отсюда стремление сохранить и приумножить свои стада, даже в ущерб собственному потреблению. В ценностных установках сегодняшних кочевников-животноводов начинают преобладать категории товарности скота, т. е. многочисленность скота должна выражаться в его способности приносить денежный доход. Становится важным постоянное воспроизводство и увеличение его поголовья взамен отправленных на рынок. И чем больше в абсолютном количестве и выше доля скота в стаде, уходящая на продажу, тем успешнее считается кочевое домохозяйство.

Как подчеркивается исследователями процессов, происходящих в современном монгольском обществе, наблюдается отток сельской молодежи. Этот общий глобальный тренд село-городской миграции не обошел стороной и кочевое население. Молодежь перестает связывать свое будущее с привольной жизнью скотовода, считая ее тяжелой, однообразной, не такой насыщенной событиями,

¹ В частности в Улан-Баторе среди кочевников известностью пользуется рынок Нарантуул зах.

какова она в городе. Отчасти это объясняется и желанием родителей дать лучшее образование своим детям, направив их для этого в городские образовательные учреждения [Бадараев и др. 2017: 82–83].

Заключение

На основании вышеизложенного можно заключить, что современные процессы в кочевом обществе носят ярко выраженный трансформационный характер. Внешнее проявление этих изменений особо не заметно. По-прежнему кочевники ведут подвижный образ жизни, сохраняя традиционный быт. Но эта подвижность все более ограничивается пределами определенной территории, где формируются более широкие социальные связи, и уже на их основе создаются новые формы объединений кочевников. В социальной организации наблюдаются две тенденции, в некоторых случаях идущие параллельно, а в других противореча друг другу. Там, где государство оставляет значительную свободу или не способно должным образом регулировать отношения, возникают формы объединения на основе связей по родству и свойству, которые нами определяются как кочевая община. В то же время интенсивный миграционный поток в центральные экономически развитые регионы размывает эти связи, а общие интересы (к примеру, борьба за сохранение пастбищ и рек от загрязнений) солидаризирует кочевников на основе территориального единства. Модернизации подвергаются материальная и духовная культура кочевников. Изменяются духовные ориентиры и традиционные ценности, в особенности это видно по жизненным установкам молодого поколения. Опять же судить о глубине изменений в кочевом обществе и однородности этого явления необходимо с поправкой на удаленность от центров экономической активности.

Литература

- Бадараев и др. 2017 — Бадараев Д. Д., Бреславский А. С., Гомбожапов А. Д., Жамбалова С. Г., Цыбенков Б. Д. Кочевничество и миграции в современной Монголии. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2017. 168 с.
- Голенкова 2001 — Голенкова З. Т. Основные тенденции трансформации социальной структуры современного российского общества // Вестник Российского университета дружбы народов. 2001. № 1. С. 28–43.
- Гомбожапов 2021 — Гомбожапов А. Д. Социальная организация общины кочевников Монголии в XXI веке: роль родственных связей // Научный диалог. 2021. № 1. С. 211–223.
- Горохова 1980 — Горохова Г. С. Очерки по истории Монголии в эпоху маньчжурского господства. М.: Наука, ГРВЛ, 1980. 132 с.
- Грайворонский 1979 — Грайворонский В. В. От кочевого образа жизни к оседлости (на опыте МНР). М.: Наука, 1979. 179 с.
- Грайворонский 2007 — Грайворонский В. В. Реформы в социальной сфере современной Монголии. М.: ИВ РАН, 2007. 256 с.
- Жагварал 1974 — Жагварал Н. Аратство и аратское хозяйство. Улан-Батор: АН МНР, 1974. 222 с.
- Заславская 2004 — Заславская Т. И. Современное российское общество. Социальный механизм трансформации. М.: Дело, 2004. 400 с.
- История Монголии 2007 — История Монголии. XX век. М.: Институт востоковедения РАН, 2007. 448 с.

- Крадин, Янков 2006 — *Крадин Н. Н., Янков А. Г.* Трансформационные процессы в скотоводческом хозяйстве бурят-монгольских кочевников на рубеже XX–XXI вв. // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2006. № 4. С. 177–186.
- Крадин 2016 — *Крадин Н. Н.* Процессы трансформаций скотоводческого хозяйства в Туве и Забайкалье на рубеже XX–XXI вв. // Этнографическое обозрение. 2016. № 2. С. 8–27.
- Лапин 2000 — *Лапин Н. И.* Проблема социокультурной трансформации // Вопросы философии. 2000. № 6. С. 3–33.
- Масанов 1995 — *Масанов Н. Э.* Кочевая цивилизация казахов: основы жизнедеятельности кочевнического общества. Алматы; М.: Социнвест, Горизонт, 1995. 320 с.
- Поланьи 2002 — *Поланьи К.* Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени. СПб.: Алетейя, 2002. 320 с.
- Симуков 2007 — *Симуков А. Д.* Труды о Монголии и для Монголии. Т. 2. Осака: Гос. музей этнологии, 2007. 635 с.
- Хазанов 2008 — *Хазанов А. М.* Кочевники и внешний мир. СПб.: Филол. фак-т СПбГУ, 2008. 512 с.
- Ядов 2014 — *Ядов В. А.* Трансформация постсоветских обществ: что более значимо — исторически традиционное или недавнее прошлое // Социологические исследования. 2014. № 7. С. 47–50.
- Bazarov 2011 — *Bazarov B. V.* Transformation of Nomadic Society: Comparative Analysis of Social and Economic Development of Mongolian Peoples at the End of XX – Beginning of XXI Centuries // Nomadic Civilizations in Cross Cultural Dialogue . Ulaanbaatar, 2011. Pp. 436–439.
- Barcus 2018 — *Barcus H. R.* Contested Space, Contested Livelihoods: A Review of Mongolia Pastureland Management and Land-Tenure Reform // Geographical Review. 2018. Т. 108. № 1. Pp. 138–157.
- Bold 1996 — *Bold B.-O.* Socio-Economic Segmentation: Khot-ail in Nomadic Livestock Keeping of Mongolia // Nomadic Peoples. 1996. № 39. Pp. 69–86.
- Haas H. et al. 2020 — *Haas H., Fransen S., Natter K., Schewel K., Vezzoli S.* Social transformation // International Migration Institute (IMI) Working Paper Series. 2020. № 166. Pp. 2–45.
- Humphrey 1978 — *Humphrey C.* Pastoral nomadism in Mongolia: the role of herdsmen's cooperatives in the national economy // Development and Change. 1978. Т. 9. № 1. Pp. 133–160.
- Humphrey, Sneath 1999 — *Humphrey C., Sneath D.* The end of Nomadism?: Society, state, and the environment in Inner Asia. Durham: Duke University Press, 1999. 368 p.
- Janzen 2005 — *Janzen J.* Mobile Livestock-Keeping in Mongolia: Present Problems, Spatial Organization, Interactions between Mobile and Sedentary Population Groups and Perspectives for Pastoral Development // Pastoralist and Their Neighbors in Asia and Africa. 2005. Pp. 69–98.
- Janzen 2009 — *Janzen J.* Changes in the Mongolia Pastoral Economy During the Transformation Period // Nomadic Studies. 2009. № 16. Pp. 7–16.
- Marin 2008 — *Marin A.* Between cash cows and golden calves: adaptations of Mongolian pastoralism in the 'age of the market' // Nomadic Peoples. 2008. Т. 12. № 2. Pp. 75–101.
- Sneath 2003 — *Sneath D.* Land use, the environment and development in post-socialist Mongolia // Oxford Development Studies. 2003. Т. 31. № 4. Pp. 441–459.
- Цэрэнханд 2015 — *Цэрэнханд Г.* Монгол ахуй — угсаа, соёлын судалгаа. Бүтээлийн түүвр. Улаанбаатар: «Адмон-принт» ХХК, 2015. 572 х.

References

- Badaraev D. D., Breslavsky A. S., Gombozhapov A. D., Zhambalova S. G., Tsybenov B. D. Nomadism and Migrations in Contemporary Mongolia. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (SB RAS), 2017. 168 p. (In Russ.)

- Barcus H. R. Contested space, contested livelihoods: A review of Mongolia pastureland management and land-tenure reform. *Geographical Review*. 2018. Vol. 108. No. 1. Pp. 138–157. (In Eng.)
- Bazarov B. V. Transformation of Nomadic Society: Comparative Analysis of Social and Economic Development of Mongolian Peoples at the End of XX – Beginning of XXI Centuries. *Nomadic Civilizations in Cross Cultural Dialogue*. Ulaanbaatar, 2011. Pp. 436–439. (In Eng.)
- Bold B.-O. Socio-economic segmentation: Khot-ail in nomadic livestock keeping of Mongolia. *Nomadic Peoples*. 1996. No. 39. Pp. 69–86. (In Eng.)
- Golenkova Z. T. Main tendencies of transformation of social structure in the modern Russian society. *RUDN Journal of Sociology*. 2001. No. 1. Pp. 28–43. (In Russ.)
- Gombozhapov A. D. Social organization of the Mongolian nomad community in XXI century: Role of family ties. *Nauchnyi dialog*. 2021. No. 1. Pp. 211–223. (In Russ.)
- Gorokhova G. S. Essays on Mongolia's History: The Era of Manchu Rule. Moscow: Nauka — GRVL, 1980. 132 p. (In Russ.)
- Graivoronsky V. V. From Nomadism to Sedentarization: A Case Study of the Mongolian People's Republic. Moscow: Nauka, 1979. 179 p. (In Russ.)
- Graivoronsky V. V. Social Reforms in Contemporary Mongolia. Moscow: Institute of Oriental Studies (RAS), 2007. 256 p. (In Russ.)
- Haas H., Fransen S., Natter K., Schewel K., Vezzoli S. Social transformation. *International Migration Institute (IMI) Working Paper Series*. 2020. No. 166. Pp. 2–45. (In Eng.)
- Humphrey C. Pastoral nomadism in Mongolia: The role of herdsman's cooperatives in the national economy. *Development and Change*. 1978. Vol. 9. No. 1. Pp. 133–160. (In Eng.)
- Humphrey C., Sneath D. The End of Nomadism?: Society, State, and the Environment in Inner Asia. Durham, NC: Duke University Press, 1999. 368 p. (In Eng.)
- Jagvaral N. Arats and Their Economy. Ulaanbaatar: MPR Academy of Sciences, 1974. 222 p. (In Russ.)
- Janzen J. Changes in the Mongolia pastoral economy during the transformation period. *Nomadic Studies*. 2009. No. 16. Pp. 7–16. (In Eng.)
- Janzen J. Mobile livestock-keeping in Mongolia: Present problems, spatial organization, interactions between mobile and sedentary population groups, and perspectives for pastoral development. In: Ikeya K., Fratkin E. (eds.) *Pastoralist and Their Neighbors in Asia and Africa*. Osaka: National Museum of Ethnology, 2005. Pp. 69–98. (In Eng.)
- Khazanov A. M. Nomads and the External World. St. Petersburg: St. Petersburg University (Faculty of Philology), 2008. 512 p. (In Russ.)
- Kradin N. N. The transformations of pastoral economy in Tuva and Zabaikalie region at the turn of the 20th-21st centuries. *Etnograficheskoe obozrenie*. 2016. No. 2. Pp. 8–27. (In Russ.)
- Kradin N. N., Yankov A. G. Transformation processes in stock-raising of Buryat-Mongol bedouins at the turn of XX-XXI centuries. *Vestnik RGNF*. 2006. No. 4. Pp. 177–186. (In Russ.)
- Lapin N. I. The issue of sociocultural transformation approached. *Voprosy filosofii*. 2000. No. 6. Pp. 3–33. (In Russ.)
- Marin A. Between cash cows and golden calves: adaptations of Mongolian pastoralism in the 'age of the market'. *Nomadic Peoples*. 2008. Vol. 12. No. 2. Pp. 75–101. (In Eng.)
- Masanov N. E. Kazakh Nomadic Civilization: Life Sustenance Essentials of Nomadic Society. Almaty, Moscow: Sotsinvest, Gorizont, 1995. 320 p. (In Russ.)
- Polanyi K. The Great Transformation: Origins of Our Time. St. Petersburg: Aletheia, 2002. 320 p. (In Russ.)
- Simukov A. D. Works on Mongolia and for Mongolia. Vol. 2. Osaka: National Museum of Ethnology, 2007. 635 p. (In Russ.)
- Sneath D. Land use, the environment and development in post-socialist Mongolia. *Oxford Development Studies*. 2003. Vol. 31. No. 4. Pp. 441–459. (In Russ.)

- Tönnies F. Community and Society (Gemeinschaft und Gesellschaft). Moscow: Universitet; St. Petersburg: Vladimir Dal, 2002. 450 p. (In Russ.)
- Tserenkhand G. The Mongolian Economy: Studies in Ethnology and Culture. Collected papers. Ulaanbaatar: Admon-Print, 2015. 572 p. (In Russ.)
- Yadov V. A. Post-Soviet societies transformations: what is more significant – the historically traditional or recent past? *Sotsiologicheskie issledovaniya (Sociological Studies)*. 2014. No. 7. Pp. 47–50. (In Russ.)
- Yaskina G. S. (ed.) History of Mongolia: 20th Century. Moscow: Institute of Oriental Studies (RAS), 2007. 448 p. (In Russ.)
- Zaslavskaya T. I. Contemporary Russian Society: Social Mechanism of Transformation. Moscow: Delo, 2004. 400 p. (In Russ.)